

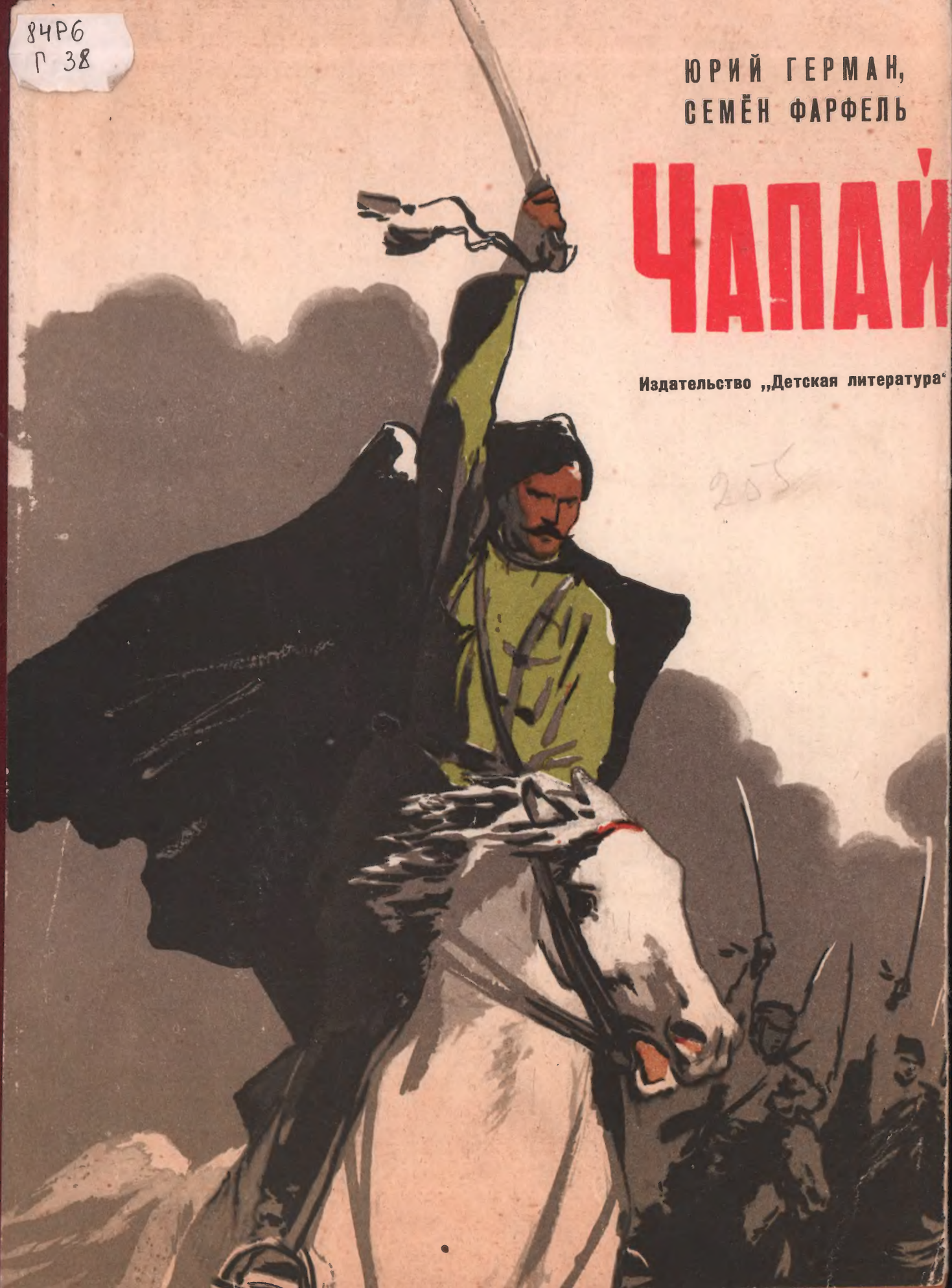
84Р6
Г 38

ЮРИЙ ГЕРМАН,
СЕМЁН ФАРФЕЛЬ

ЧАПАЙ

Издательство „Детская литература“

255

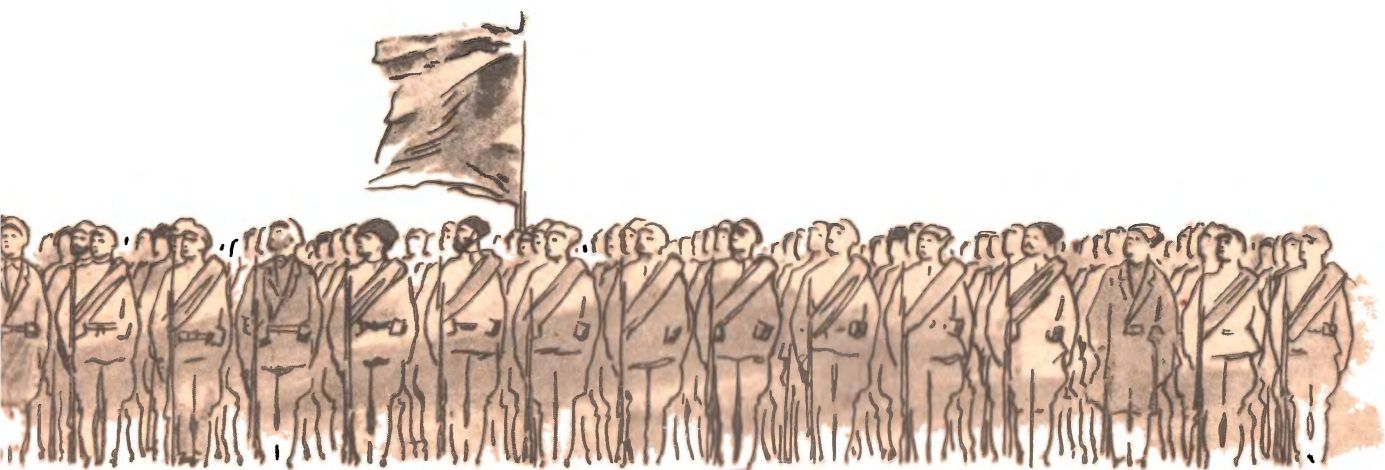
ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

**ЮРИЙ ГЕРМАН,
СЕМЁН ФАРФЕЛЬ**

ЧАПАЙ

Рис. Т. Ксенофонтова

**Издательство „Детская литература“
Ленинград 1964**

ЧАПАЙ

— Значит, желательно вам про Чапая узнать? Откуда он будет и что он есть? А вы бы сами его спросили. Чапай прост, чиниться перед бойцами не станет.

Прохор Семёнов не торопясь взял добрую щепоть махорки из кисета, протянутого ему коротко стриженным рыжим парнем, свернул «козью ножку» и закурил.

Он сидел на чурбаке перед домом, в который определили их взвод на постой. Вокруг него прямо на земле, покрытой свежей, только пробившейся на свет молодой травой, устроились бойцы из последнего пополнения.

— Я, конечно, вас постарше, ровесник Чапаю, да голубей с ним мальчишкой не гонял, не довелось. А воюем вместе второй год. Он начальник дивизии, я, значит, стрелок, по-старому — нижний чин. А впрочем, оба мы Красной Армии бойцы, ягоды с одного поля.

Прохор помолчал, потёр рукой колючую щетинистую щеку. Молодые бойцы с ожиданием глядели на него.

— И до чего вы все любите про Чапая слушать, точно не солдат он, а Иван-царевич. Я вам сказок говорить не буду, — вы не ребята, и я не дед. Чапай на Ивана-царевича похож, как ты на прежнего царя Николашку. — Прохор ткнул пальцем в рыжего бойца, угостившего его махоркой.

— Ты из кого будешь? Из крестьян? А ты? — спросил он другого. — Из рабочих? Ну вот и Чапай такой же. Из крестьян Чапай, рабочий человек. Сказывают, и родился где-то он в этих местах,

в Поволжье, бедняцкий сын. Слышал я, что с восьми лет он батрачил, свиней пас, потом плотничал. Другим, значит, дома ставил, а сам бездомный. Будто он даже шарманщиком был. Ходил по городам и деревням, крутил шарманку и песни пел. Запоёшь, когда жевать нечего!

Ещё у купцов в мальчиках Чапай служил. Это уж точно я знаю. Ну и лют же он на купца с тех пор! Как сатану, купца ненавидит.

А германскую войну Чапай от начала на передовой в окопах провёл. Вся грудь в ранах и в георгиевских крестах. Воевать он бесстрашный. Ну и хитёр тоже. В разведку ходил, так германца, как хочешь, вокруг пальца обводил. Вернётся из разведки, расскажет, что видел, предъявит трофеи, — генералы и офицеры ушами хлопают, глазами моргают. Им до того и вовек не додуматься, что сделает запросто Чапай. А между прочим, всё остается как было — они у царя генералы и офицеры, Чапай — солдат. Разве же царь рабочего человека в офицеры пустит?

А у нас Чапай, гляди-ка, царских генералов почём зря лупит. И должность у него, если по-старому считать, чисто генеральская — над дивизией начальник. Ты это прикинь, мужицкий сын, вот тебе в наглядности и ясно будет, что значит советская власть — рабочего с барином, солдата с его высокопревосходительством генералом сменяла местами.

За что, спросишь, дана Чапаю от советской власти генеральская должность? За то, что преданный народу человек. А потом — орёл. Что сам он ни в какую страха не знает, — это ещё, можно сказать, полдела или того меньше. А вот что с ним и мы страх забываем, — то главное.

Встретились мы, например, с беляками в степи. Высыпало их столько, не сосчитаешь. Пули свищут, шрапнель сечёт. Лежим мы, за землю держимся, голову не поднять. А тут подлетает Чапаев на полном скаку. Откуда только и взялся. «За мной, — кричит, — не трусь! Если дружно ударить, так беляк тебе ничего сделать не сможет. Сотня красных тысячу белых на капусту порубит!» Увидели мы Василия Ивановича, услышали его голос, поднялись и сотней на тысячу пошли. Ну и верно, побили белых, крошили в капусту. Вот такой он в бою, Чапаев. Мало, чтоб самому смелым быть. Всех смелыми сделать — в этом самом и есть чапаевское героismo.

Может, вы слыхали, что Чапаев от пули заговорённый, так это чепуха и по науке полная глупость. Наука говорит совсем другое. Трус пули боится, а пуля храброго трусит.

Расскажу ещё вам, как мы на Уральск с Чапаевым ходили...

Прохор Семёнов встал с бревна, бросил докуренную сигарку. Видно было, что он только разговорился, теперь его скоро и не оставишь. Но тут проскакал по улице посыльный из штаба, на пороге соседнего дома появился ротный.

«Выходи строиться!» — разнеслась зычная команда.

Через несколько минут по улицам небольшого степного городка быстро двигались колонны красноармейцев. Весь полк, размещённый в городке, собирался к огромному, похожему на каменный сарай зданию кинематографа.

— Чапаев приехал, Чапаев говорить будет! — передавал по рядам всеведущий солдатский беспроволочный телеграф.

В битком набитом людьми зале сарая-кино вышел на эстраду худощавый человек с ясными глазами, сидящими глубоко под высоким лбом, с острыми, лихо подкрученными усами. На нём была светло-зелёная, перехваченная ремнями куртка военного покроя, которую тогда называли френчем, чёрная мохнатая папаха на голове, на боку — неизменная шашка.

Чапай!

Он посмотрел прищуренным взглядом в притихший зал, снял папаху и положил на стол.

— Товарищи! — сказал он уверенно и как будто негромко, но слышали его хорошо в самых дальних рядах. — Товарищи! На Колчака воевать идём. Много мы побили с вами белых в степи — не привыкать к победам. И адмирал Колчак от нас не уйдёт.

Говорил он просто. Лицо его становилось то сердитым, то осве-

щалось хитровой улыбкой. И люди в зале тоже и сердились и улыбались вместе с ним. Они ловили каждое слово, бурей восторженных криков отвечали на его речь.

— Колчак от нас не уйдёт! — звучало ещё у всех в ушах, когда кончился митинг и на эстраду* взобрался гармонист. Широко растягивая мехи, он начал играть «Камаринскую». И снова появился на дощатом помосте человек в зелёном френче, перехваченном тугими ремнями.

Чапаев, будто он вовсе не начальник знаменитой дивизии, гроза белых генералов, а бравый молодой боец, лихо кинулся в пляс. Он самозабвенно, с присвистом и притопом, откалывал замысловатые коленца. Пот крупными каплями катился по его покрасневшему, разгорячённому лицу.

— Видал, видал? — возбуждённо спрашивал старый солдат Прохор Семёнов коротко стриженного рыжего бойца из нового пополнения. — Вот он Чапай каков!

Минуту Чапаев плясал один, потом стали проталкиваться на эстраду из зала новые и новые плясуны. Топот, дружные хлопки сотен рук, молодецкий присвист наполнили зал и заглушили гармонь. Кажется, что весь полк пустился в перепляс за Чапаем.

Никто и не заметил, как ушёл с деревянного помоста начдив. А он стоял в стороне и глядел на разгулявшихся бойцов. Кто-то хотел подать команду на построение. Чапаев сердито остановил его:

— Погоди, пусть натешатся вволю. Теперь нам не скоро гулять.

НА УФУ!

Полтора месяца миновало с тех пор, как Чапаев весело плясал с бойцами в маленьком заволжском городке. Почти всё это время дивизия не выходила из боев.

— На Колчака воевать идём! — сказал Чапаев на митинге в зале кинематографа, похожего на сарай. Теперь эта война была в самом разгаре.

Несколько недель перед тем колчаковские армии наступали на огромном фронте. Американские, английские, французские капиталисты богато снабдили их танками, пушками, пулемётами, прислали дивизии своих войск. Высокомерные генералы, одетые в незнакомую иностранную форму, торопили колчаковские штабы — на Москву!

«Уфа — Москва» — так и было написано на вагонах, в которых ехал со своей свитой самозванный «верховный правитель России».

«По Заволжью чёрной тучей
Стелется Колчак», —

вспоминает это время народная песня о Чапаеве.

Колчак рвался к Москве; чёрная туча сгущалась, но партия подняла народ на отпор врагу. Снова десятки тысяч коммунистов, рабочих из Питера, Москвы, Иваново-Вознесенска, взяли оружие и пошли сражаться.

В Заволжской степи вокруг пыльного города Бузулука верный ленинский соратник Михаил Васильевич Фрунзе собрал боевой кулак, чтобы ударить по Колчаку, вбить железный клин в его армии и раско-

лоть их. Дивизия Чапаева, прославленная 25-я Самарская дивизия, была остриём этого клина.

28 апреля 1919 года чапаевские полки вонзились в колчаковский фронт. Ещё накануне белогвардейские генералы заключали пари, спорили, как скоро покончат с советской властью, заказывали портным новые парадные мундиры, в которых собирались въехать в Москву. Теперь весь их фронт содрогнулся от удара Красной Армии рабочих и крестьян. Белые остановились, затоптались на месте и покатались назад. За полтора месяца они были отброшены на 350 километров.

Утром тихого июньского дня передовой отряд чапаевской дивизии вышел к реке. Бойцы остановились у светлой быстрой воды. На противоположном берегу кудрявились весёлые зелёные рощи.

— Вот она такая, Белая река, — сказал Прохор Семёнов. — Можно в ней и умыться.

Но умываться не пришлось.

— Гляди-кось, пароходы плывут! — закричал Прохору Никита Захаров, длинный рыжий парень из пополнения, пришедшего в чапаев-

скую дивизию в тихом степном городке. Теперь Никита уже не выглядел новобранцем. Он стал бывалым воином. Большая школа — полтора месяца боев.

Прохор поднял глаза. Из-за поворота реки, дымя, выворачивали два пароходика. Они шли совсем близко от берега. Можно было хорошо разглядеть пассажиров, сидевших на палубе. Многие были в военных костюмах, на плечах золотом блестели погоны.

— Да беяки же это! — удивлённо ахнул Никита.

— Стой! — закричал Прохор во всю силу лёгких и вскинул винтовку.

— Стой! — вторили ему бойцы.

— Зачем вставать-то? — в недоумении откликнулись с ближнего парохода. Там и не подозревали, что красные могут быть уже в этих местах.

— Стой, стрелять будем! — властно повторили с берега.

Тогда на пароходах сообразили, в чём дело. Капитаны попробовали уйти, прибавили ход. Белые офицеры стреляли по берегу из револьверов.

— Дай-ка очереди! — скомандовал Прохор Семёнов. Он был уже не рядовым, а командиром взвода.

Никита Захаров стал бить из своего «максима» по пароходам, и они повернули прямо на берег. Ещё несколько выстрелов прозвучало над водой. Белые офицеры стреляли в себя, прыгали в реку.

— Заядлые! — сказал Никита.

— Много крови мужицкой у них на руках. Боятся ответа, — сурово ответил Прохор.

А пароходы уже выбросились на песчаный берег, и красноармейцы карабкались на них. Вскоре о захвате этих судов доложили Чапаеву. Чапаев немедленно сообщил Фрунзе.

Красным предстояло переправиться через реку. За Белой лежала Уфа — большой город, на который красные части с самого начала наступления нацеливали свой удар. Захват пароходиков был крупной удачей. Он облегчал переправу через реку.

Дивизия Чапаева вышла к реке на большом фронте. Одна из бригад стояла против самой Уфы. Между ней и городом тянулся длинный железнодорожный мост, но переправляться решили не здесь, а километров на двадцать пять ниже. Фрунзе и Чапаев хотели ударить там, где враг этого не ждал.

Переправляться начали ночью. Расчёт советских командиров оказался правильным. Белые растерялись от первого удара, бросили окопы и побежали. Но долго продвигаться вперёд чапаевцы не могли. Их было ещё мало на той стороне реки. Как ни вертелись пароходики, быстро перебросить большую массу бойцов они не могли. Колчаковцам, чтобы подтянуть силы, нужно было куда меньше времени. Оправившись, они стали яростно атаковать.

Красный полк засел в поселке Турбасы и отбивал атаку за атакой. Беда была в том, что у бойцов кончались патроны, а доставлять их становилось всё труднее. Белые подняли в воздух самолёты и упорно бомбили переправу.

— Последнюю обойму закладываю, — сказал Прохору Семёнову рыжий Никита, перезаряжая винтовку. — Что дальше будем делать?

— Патроны кончатся, останется штык, — ответил Прохор. — Штыком колоть будем.

В это время колчаковцы двинули в атаку свои главные силы. Они шли густыми цепями, а со стороны красных раздавались только редкие выстрелы. У большей части бойцов, как у Никиты, патроны совсем иссякли.

Белые подходили всё ближе, лавина огня сопровождала их. А бойцы красного полка были измучены долгим боем; ряды их поредели с ночи, и кто-то не выдержал натиска врага, вскочил, подался назад.

— Стойте, товарищи! — кричал Прохор. — Назад ходу нет, там река! Чапаев до последнего велел стоять.

С огромным трудом удерживали командиры измученную, дрогнувшую массу бойцов. Казалось, вот сейчас всё рухнет... И тут к самой цепи подскакали несколько всадников. Впереди них был коренастый плотный человек. Он спрыгнул с коня в самую гущу отступающих и схватил винтовку.

— Командующий, Фрунзе Михаил Васильевич, — узнал Прохор.

А Фрунзе уже бежал навстречу белым.

— Ура! Вперёд, товарищи! Вперёд!

Ближние бойцы тоже узнали командующего, услышали его голос. Они повернули и побежали за ним, стараясь опередить Фрунзе, закрыть его от врага.

Казалось бы, много ли может сделать один человек в горячке, неразберихе схватки? Но появление Фрунзе изменило ход боя. Красноармейцы, дрогнувшие, отступавшие минуту назад, теперь с удесятерённой яростью кинулись на врага. Они бежали вперёд почти без выстрела; ряды их оцетинились штыками, и белые не выдержали натиска, стали отступать.

А тут появились со стороны реки повозки.

— Бери патроны! — кричали ездовые. — Чапай вам прислал.

— Где Чапаев-то? — спросил Прохор, принимая боеприпасы.

— На переправе, оттуда распоряжается. Ох, и жара там, ну чистый ад! Да разве Чапаева испугаешь? — сказал ездовой.

Весь этот тяжёлый день Фрунзе и Чапаев провели в гуще боя. Под Фрунзе была убита лошадь, и сам он контужен. Чапаев получил серьёзное ранение головы. Но управление боем не нарушалось. Красные войска упорно шли вперёд, ломая сопротивление врага. Через два дня они были в Уфе.

Прошло немного времени — уже и Уфа осталась позади. Ночью в только что занятой станице Прохора Семёнова разбудил посыльный от командира роты. Он передал приказ выводить бойцов на площадь.

— Командующий приехал, — сообщил он. — Смотр, наверно, будет.

Но построили бойцов не для смотра. На станичной площади разожгли огромный костёр, и в его колеблющемся свете бойцы увидели Фрунзе и Чапаева. Повернувшись к строю, Михаил Васильевич громко

прочитал приказ Революционного Военного Совета республики о славных боевых победах чапаевской дивизии. За эти славные победы Василий Иванович Чапаев награждался орденом Красного Знамени.

Чапаев стоял перед командующим вытянувшись, взяв руку под козырёк. Бойцы видели, что он очень взволнован.

— Служу трудовому народу, — сказал он, принимая награду из рук Фрунзе.

Фраза была привычная, уставная, но сейчас она прозвучала как-то необыкновенно. Вся душа, все помыслы Чапаева были выражены в ней, и это почувствовал каждый, кто стоял на площади только что освобождённой от врага уральской станицы.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Герман Юрий Павлович,
Фарфель Семён Самойлович

Ч А П А И

Ответственный редактор
Э. Г. Меркулова.
Консультант по художественному
оформлению Н. Д. Полозов.
Технический редактор
П. Л. Чарушина.
Корректоры
К. Д. Немковская и
Л. К. Малявко.

Подписано к набору 18-III 1964 г. Подпи-
сано к печати 22-VIII 1964 г. Формат 60×90¹/₄.
Печ. л. 2,5. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 1,63.
Заказ № 325. Тираж 450 000 экз. ТП-1964
№187.

Ленинградское отделение издательства
«Детская литература».
Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.
Цена 6 коп.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглав-
полиграфпрома Государственного комите-
та Совета Министров РСФСР по печати.
Ленинград, 2-я Советская, 7.
Набор текста изготовлен на машине «НФА».